

Брачные проекты Великихъ Княженъ Екатерины Павловны и Анны Павловны.

(Великій Князь Николай Михайловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной).

Вопросъ о замужествѣ Великой Княжны Екатерины Павловны и о пріисканіи для нея подходящаго жениха былъ предметомъ самыхъ серьезныхъ заботъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Хотя, послѣ печальнаго опыта старшихъ сестеръ, Александры и Елены, выданныхъ замужъ почти дѣвочками и скончавшихся отъ родовъ, Императрица не спѣшила съ браками другихъ дочерей, но въ 1807 году Екатеринѣ Павловнѣ уже минулъ двадцатый годъ и пора было подумать объ устройствѣ ея судьбы. По этому поводу Императрица находилась въ оживленной перепискѣ съ нашими послами, княземъ А. Б. Куракинымъ и Головкинымъ, которымъ было поручено осуществленіе ея плановъ.

Особымъ довѣріемъ Императрицы въ этомъ дѣлѣ пользовался кн. Куракинъ, который почти цѣлыхъ два года ѣздилъ по Европѣ, разыскивая подходящихъ для Великой Княжны жениховъ. Претендентовъ у Екатерины Павловны было много: нѣсколько австрійскихъ эрцгерцоговъ, принцъ Генрихъ Прусскій, баварскій королевскій принцъ, принцъ Леопольдъ Кобургскій, будущій король бельгійскій; достоинства и недостатки всѣхъ этихъ лицъ обстоятельно обсуждались посланникомъ въ его письмахъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Какъ подробно и откровенно дебатировались эти вопросы, показываетъ, напр., слѣдующій отрывокъ изъ письма кн. Куракина,

писаннаго изъ Тильзита, отъ 28 іюня, относительно двухъ претендентовъ на руку Великой Княжны Екатерины Павловны, только что имъ видѣнныхъ: „Я долженъ довести Вашему Императорскому Величеству, что на-дняхъ я познакомился въ домѣ Императора Наполеона за одинъ разъ съ баварскимъ наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Генрихомъ Прусскимъ. Они оба оказали мнѣ множество учтивостей; оба они заики. Принцъ Генрихъ больше ростомъ и красивѣе, заикается менѣе, чѣмъ наслѣдный принцъ. Что касается послѣдняго, его наружность весьма невыгодна; ростъ его средній; онъ рыжъ, рябъ, заика, и, какъ увѣряють, тугъ на ухо, но онъ, кажется, весьма кротокъ, добръ, твердаго и превосходнаго характера: въ этомъ ему отдаютъ справедливость даже французы. Все-таки я откровенно сознаюсь Вашему Величеству, что, по-моему, ни одинъ изъ этихъ принцевъ не достоинъ руки Ея Высочества Вел. Кн. Екатерины, и что она не можетъ быть счастлива ни съ тѣмъ, ни съ другимъ!“

Въ числѣ претендентовъ оказался Наполеонъ; Коленкуръ, назначенный въ 1808 г. французскимъ посланникомъ въ Петербургъ, получилъ отъ Бонапарта инструкцію весьма щекотливаго свойства, коей ему повелѣвалось развѣдать о томъ, какъ отнесется русскій Дворъ къ предложенію Наполеона о бракѣ съ Екатериной Павловной.

Исполняя это порученіе, Коленкуръ, какъ бы невзначай, завелъ однажды разговоръ съ вдовствующей Императрицей о томъ, какое значеніе слѣдуетъ придавать снамъ, и при этомъ передалъ со всевозможными предосторожностями, что онъ видѣлъ наканунѣ во снѣ, будто Наполеонъ просить руки Великой Княжны Екатерины Павловны. На это Императрица Марія Ѳеодоровна отвѣтила Коленкуру тономъ, который не могъ не смутить его:

— Господинъ посланникъ, вы знаете, что сны лгутъ ¹⁾.

Впечатлѣніе, вынесенное Коленкуромъ изъ разговора съ вдовствующей Государыней, было неблагопріятно Наполеону; несмотря на это, на эрфуртскомъ свиданіи Государей, Великая Княжна получила, какъ извѣстно, официальное предложеніе о бракѣ съ Наполеономъ, переданное Императору Александру Талейраномъ, на которое послѣдовалъ официальный же отказъ Императора, раздражившій Наполеона.

С. Муханова въ своихъ запискахъ ²⁾ говорить, что Екатерина Павловна сказала ей отцу:

¹⁾ Н. И. Божеряновъ „Великая Княгиня Екатерина Павловна“. Спб. 1888, стр. 16.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1878 г., т. I, стр. 307.

„Я скорѣе пойду замужъ за послѣдняго русскаго истопника, чѣмъ за этого корсиканца“. Мать и дочь отнеслись къ сватовству одинаково несочувственно и высокомерно.

Въ вопросѣ о выборѣ жениха, вдовствующая Императрица не стѣсняла дочь, считая нужнымъ сообразоваться съ выборомъ самой Великой Княжны. Такъ напр. по поводу сватовства принца Генриха Прусскаго, она писала Государю: „Какъ Вамъ извѣстно, я даю свое согласіе на бракъ моихъ дочерей лишь въ томъ случаѣ, если этотъ бракъ заключается по добровольному желанію дочери, склонности которой я отнюдь не стѣсняю въ столь важномъ вопросѣ. Между тѣмъ личное знакомство моей дочери Екатерины съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ можетъ состояться не ранѣе, какъ черезъ годъ: настоящій моментъ переживаемаго нами кризиса не благоприятствуетъ этому; но въ теченіе этого года намъ представится возможность убѣдиться въ искренности и лояльности чувствъ Берлинскаго двора по отношенію къ нашему Двору. И если его намѣренія не измѣнятся, если моя дочь, познакомившись съ принцемъ, будетъ питать надежду на то, что она будетъ съ нимъ счастлива, то она сама рѣшитъ свою судьбу добровольнымъ избраніемъ, на которое я въ такомъ случаѣ дамъ свое согласіе“.

Въ то время какъ дебатировался вопросъ объ этихъ брачныхъ союзахъ, скончалась, въ 1807 г., австрійская императрица и въ головѣ вдовствующей Государыни тотчасъ зародился планъ о бракѣ Великой Княжны Екатерины Павловны съ овдовѣвшимъ императоромъ Францемъ; она сообщила объ этомъ своему повѣренному князю Куракину и собственноручно писала Александру I, прося его высказать свое мнѣніе объ этомъ брачномъ проектѣ. Это былъ „первый женихъ, котораго, ради выгоды союза, кажется, желала и Великая Княжна, но Императоръ Александръ, несмотря на всѣ выгоды, какія могли произойти отъ этого брака для Россіи, мнѣнія этого не раздѣлялъ“. „Государь все-таки думаетъ, писалъ Куракинъ Императрицѣ изъ-за границы, что личность императора Франца не можетъ понравиться и быть подъ пару Великой Княжнѣ Екатеринѣ. Государь его описываетъ какъ дурного, плѣшиваго, тщедушнаго, безъ воли, лишеннаго всякой энергіи духа и разслабленнаго тѣломъ и умомъ отъ испытанныхъ имъ несчастій, трусливаго до такой степени, что онъ боится ѣздить верхомъ въ галопъ и приказываетъ вести свою лошадь въ поводу. При этой послѣдней чертѣ я не удержался отъ смѣха и воскликнулъ, что это вовсе не похоже на качества Великой Княжны: она обладаетъ умомъ и духомъ, соответствующимъ ея роду, имѣетъ силу воли; она создана не для тѣснаго круга; робость совершенно ей не свойственна; смѣлость

и совершенство, съ которыми она ѣздитъ верхомъ, способны возбудить зависть даже въ мужчинахъ. Государь не согласенъ со мною въ томъ, что этотъ бракъ можетъ быть для насъ полезенъ въ политическомъ отношеніи; несмотря на всѣ мои доводы, онъ утверждаетъ, что Ея Высочество, его сестра и Россія ничего этимъ не выиграютъ и что, напротивъ, отношенія, которыя наступятъ между Россією и Австрією, будутъ мѣшать намъ выражать, какъ слѣдуетъ, наше неудовольствіе Австріей всякій разъ, когда она поступитъ дурно, а такъ она часто поступаетъ. Онъ утверждаетъ еще, что Великая Княжна испытаетъ только скуку и раскаяніе, соединившись съ супругомъ, столь ничтожнымъ физически и морально, какъ императоръ Францъ, что она скоро это увидитъ и что наконецъ она не будетъ имѣть вліянія на государственныя дѣла Австріи, потому что для достиженія этого не захочетъ, какъ онъ убѣжденъ, прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя употребляла покойная императрица, супруга Франца“ ¹⁾).

Государь откровенно изложилъ въ письмѣ къ матери свой взглядъ на этотъ бракъ; вдовствующая Императрица передала его письмо Великой Княжнѣ, чтобы она рѣшила, отказаться ли ей отъ этого брачнаго проекта или настаивать на немъ, а между тѣмъ сама постаралась опровергнуть доводы Александра I противъ этого брака.

„Прежде нежели сообщить Вамъ ея рѣшеніе, писала Марія Θεодоровна своему сыну, я останавлиюсь на сдѣланныхъ Вами возраженіяхъ, которыя, признаюсь, не кажутся мнѣ особенно убѣдительными, поскольку они касаются нравственныхъ качествъ императора. Сколько мнѣ помнится, я же говорила, что у него не было въ прошломъ никакихъ увлеченій, но я думаю, что онъ настолько религіозенъ и нравственъ, что предпочтетъ законный бракъ жизни легкомысленной и порочной. Вотъ мое мнѣніе объ императорѣ Францѣ. Мнѣ не извѣстны увлеченія его молодости, во время пребыванія въ Голландіи, лѣтъ тринадцать или четырнадцать тому назадъ, но я припоминаю дѣйствительно, что одно время говорили о пребываніи въ Вѣнѣ г-жи Винцано и о ревности императрицы, которую всѣ осуждали, говоря, что это былъ только плодъ ея воображенія, и что она была несправедлива къ своему супругу. Впрочемъ, хотя бы императоръ и былъ виноватъ въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ ли изъ этого, что у него будутъ подобныя же увлеченія и въ настоящее время. Мнѣ кажется, что въ тридцать восемь лѣтъ пылъ страстей долженъ утихнуть. Право, дорогой Александръ, надобно быть не столь строгимъ и болѣе снисходительнымъ къ

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1879 г.

другимъ: императоръ былъ прекраснымъ мужемъ для моей сестры, которая нѣжно любила его; такимъ же онъ былъ и по отношенію къ императрицѣ. Хотя я согласна съ тѣмъ, что онъ былъ, какъ Вы говорите, не особенно снисходителенъ къ ней, но эта скверная исторія относительно покойной сочинена лишь въ 1805 г.; до этого времени клевета никогда не касалась ея. Къ чести императора надобно сказать, что онъ сдѣлалъ ее счастливой, хотя она была ревнива и некрасива. Вы сами говорили мнѣ, дорогой Александръ, что императоръ—честный, хорошій, лояльный человекъ; это главное. Конечно, это не совсѣмъ то, чего бы я желала, но и это не бездѣлица; остается рѣшить, не будетъ ли общество прелестнаго благоразумнаго и твердаго существа, въ соединеніи съ семейнымъ счастьемъ, содѣйствовать развитію его добрыхъ качествъ, заглохшихъ при извѣстныхъ условіяхъ. Мнѣ кажется, дорогой Александръ, что Вы не находите въ своемъ письмѣ достаточно убѣдительныхъ возраженій, которыя Вамъ хотѣлось бы подыскать, поэтому Вы рисуете бѣднаго императора въ самомъ непривлекательномъ видѣ; но Като сказала мнѣ:

„Братъ находить, что онъ слишкомъ старъ, развѣ мужчина въ 38 лѣтъ старъ? онъ находить его некрасивымъ,—я не придаю въ мужчинѣ значенія красотѣ; по его словамъ, онъ неопрятенъ: я его отмою; онъ глупъ, у него дурной характеръ: великолѣбно! онъ былъ такимъ въ 1805 г., въ дальнѣйшемъ онъ измѣнится, ибо его заставляли быть такимъ обстоятельства“.

„Клянусь вамъ, Александръ, я передаю дословно слова Катиши; изъ этого Вы видите, что ее не пугаетъ набросанный Вами, не особенно привлекательный портретъ императора. Признаюсь, я, съ своей стороны, очень удивлена тому, что Вы пишете. Вы спрашиваете, представляетъ ли эта партія что-либо блестящее съ точки зрѣнія его положенія, какъ монарха. Разумѣется, дорогой Александръ; хотя Австрійская монархія жестоко пострадала, но быть австрійскимъ императоромъ или эрцгерцогомъ, королемъ Венгріи и т. д. и т. д.,—все-таки вещь прекрасная, къ тому же, отъ него зависитъ появиться снова на сценѣ и занять подобающее ему мѣсто“.

„Наконецъ Като считаетъ этотъ бракъ достойнымъ ея, я смотрю на него точно также и убѣждена, что большая часть вашихъ подданныхъ взглянетъ на дѣло съ той же точки зрѣнія... Чтобы не придавать дѣлу политическаго характера, я рѣшила, пользуясь родственными отношеніями, существующими между императоромъ Францемъ и мною, вести его какъ дѣло чисто семейное, такимъ образомъ оно не скомпрометируетъ ни васъ, ни вашего министерства, и вашъ послан-

никъ приметъ официальное участіе въ переговорахъ только тогда, когда онъ увидитъ, что они идутъ путемъ обычнымъ для подобныхъ дѣлъ. Я полагаю, что оно должно начаться и кончиться частнымъ письмомъ отъ меня къ императору Францу“.

Къ письму вдовствующей Императрицы было приложено другое незапечатанное письмо, на имя императора Франца, которое она просила сына внимательно прочесть и высказать о немъ свое мнѣніе.

„Если Императоръ не приметъ этого предложенія, писала Марія Θεодоровна, то онъ можетъ сослаться на разницу религій,—причина, сама по себѣ настолько важная, что на это нельзя будетъ обидѣться. Если вы не одобрите моего письма, верните его мнѣ и сообщите, что именно вы намѣрены предпринять; если вы одобрите его, а равно и предлагаемый мною шагъ, то запечатайте письмо и передайте его Куракину съ прилагаемой при семъ запиской, и укажите ему, какъ ему надлежитъ дѣйствовать.“

„По-моему, ежели императоръ Францъ не скажетъ ему или не поручитъ сказать, что онъ намѣренъ просить руки Екатерины, то Куракинъ долженъ сдѣлать видъ, что содержаніе моего письма ему неизвѣстно; до этихъ поръ ему надлежитъ безусловно молчать; впрочемъ, предоставляю это рѣшить вамъ самимъ, дорогой Александръ, и дать соответственныя приказанія“.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого письма, Марія Θεодоровна обратилась къ с.-петербургскому митрополиту Амвросію съ просьбою высказать ей свое мнѣніе относительно предполагаемаго брака ея дочери съ католикомъ.

„Какъ по приключившейся императрицы австрійской кончинѣ легко статья можетъ, что супругъ ея возымѣетъ мысль просить себѣ въ супружество дочь мою Екатерину Павловну, писала Императрица, то желательно мнѣ предварительно быть совершенно удостовѣренной, могутъ ли бывшіе, но смертію разрушенные союзы сего Государя, который имѣлъ въ первое супружество родную мою сестру, и коего братъ эрцгерцогъ Іосифъ былъ женатъ на моей дочери, препятствовать сему новому браку? Я съ моей стороны почитаю, что такъ какъ бывшая за императоромъ сестра моя давно уже скончалась и, почитай еще при рожденіи Екатерины Павловны, да и дѣтей послѣ ея не осталось, а Александры Павловны и дочери ея равномерно въ живыхъ нѣтъ, и такимъ образомъ послѣ сихъ двухъ супруществъ, такъ сказать, и слѣда не осталось, то оныя тѣмъ менѣе могутъ препятствовать бракосочетанію Екатерины Павловны съ императоромъ Францемъ“; что касалось разницы въ вѣроисповѣданіи, то Государыня удостовѣряла, что „по истинной и

неограниченной преданности и привязанности ея и дочери ея къ православному нашему закону Великая Княжна „само собою разумѣется, на вѣки останется ему предана“.

Митрополитъ согласился съ доводами Императрицы и выразилъ свое полное согласіе на этотъ бракъ.

Мысль о союзѣ съ императоромъ Францемъ улыбалась Екатериинѣ Павловнѣ, ее прельщаль блескъ короны, и она спѣшила послать князю Куракину давно обѣщанную ему копію съ портрета, писаннаго съ нея пастелью Тишбейномъ и очень похожаго. „Теперь, вслѣдствіе послѣднихъ событій“, писала она Александру Павловичу, „онъ будетъ кстати въ Вѣнѣ. Это было внушеніемъ свыше: обѣщая ему свой портретъ, я не думала, что онъ съиграетъ какую-нибудь роль въ устройствѣ моей судьбы“.

Отстаивая свой выборъ, Екатерина Павловна увѣряла брата, что „австрійцы, проживающіе въ Россіи,—и судя по письмамъ изъ Вѣны, и тамошняя публика, за этотъ бракъ. Вы говорите, что ему сорокъ лѣтъ, писала она—бѣда не велика, вы говорите, что это жалкій мужъ для меня, согласна, но такъ какъ всѣ царствующія особы раздѣляются, повидимому, на три категоріи, на людей хорошихъ, но ограниченныхъ, на умныхъ, но злыхъ и на *Jean sans Tergge*, то сдѣлать выборъ изъ этихъ трехъ категорій, кажется, не трудно“.

„Я ничего не имѣю противъ этого брака, у меня нѣтъ ни одного серьезнаго возраженія ни за, ни противъ. Обѣ жены императора были съ нимъ счастливы; съ этой точки зрѣнія онъ вполне заслуживаетъ уваженія“.

„Я живая, я люблю веселиться, это правда, но мнѣ кажется, что жизнь, которую я веду съ октября мѣсяца, доказываетъ, что я могу обходиться безъ развлеченій. Я прекрасно знаю, что я не найду въ немъ ни Адониса, ни Феникса, а просто-на-просто порядочнаго, честнаго человѣка; этого достаточно для семейнаго счастья; что касается внѣшняго блеска, то на этотъ бракъ не можетъ быть двухъ различныхъ взглядовъ. Я не увлекаюсь, я желаю этого брака, потому что я надѣюсь найти въ немъ свое счастье. Если женщина не сумѣетъ въ двадцать лѣтъ отличить добра отъ зла, то она никогда не сумѣетъ этого сдѣлать. Онъ добръ и честенъ—это главное. Впрочемъ, все въ рукахъ Божьихъ. Поживемъ, увидимъ; чему быть, тому не миновать“¹⁾.

Въ отвѣтъ на это, Александръ писалъ сестрѣ: „никто въ мірѣ не увѣритъ меня въ томъ, чтобы этотъ бракъ могъ быть для васъ счастливымъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вамъ пришлось хоть

¹⁾ Письмо отъ 13 мая 1807 г.

разъ пробить съ этимъ человѣкомъ цѣлыя сутки, и я ручаюсь чѣмъ угодно, что у васъ на другой же день прошла бы охота выйти за него замужъ“.

„Вы знаете, что я не люблю создавать себѣ иллюзіи, я люблю видѣть все такъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, но мой долгъ, мое расположеніе къ вамъ и честь повелѣваютъ мнѣ говорить откровенно и безъ утайки о предметѣ, столь близкомъ моему сердцу. Мнѣ кажется, что прежде всего слѣдуетъ подумать о вашемъ счастьи, таково по крайней мѣрѣ мое мнѣніе“¹⁾.

Нѣсколько дней спустя, Александръ возвращается къ тому же вопросу. „Я въ восторгѣ, другъ мой, пишетъ онъ сестрѣ²⁾, что я доставилъ вамъ столько веселыхъ минутъ, своимъ письмомъ къ матушкѣ, но я долженъ откровенно признаться, что я не это имѣлъ въ виду. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не утратили способность смѣяться и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружеской жизни съ императоромъ Францемъ. По крайней мѣрѣ я исполнилъ свой долгъ, я сказалъ правду. Если вы и матушка находите портретъ императора, набросанный мною, привлекательнымъ, это дѣло вкуса; я болѣе въ это вмѣшиваться не буду. Но мнѣ, со своей стороны, показалось весьма забавнымъ, что вы обѣ говорите мнѣ объ этомъ, словно я хочу разстроить ваши планы изъ зависти. Если вы воображаете, что я питаю какое-нибудь личное неудовольствіе противъ него, то вы опять таки ошибаетесь. Что касается подобнаго рода добродѣтели, то я, по крайней мѣрѣ, никогда не былъ ея защитникомъ; я упомянулъ объ этомъ лишь въ отвѣтъ на длинную тираду въ письмѣ матушки относительно нравственности императора. Нѣтъ, другъ мой, я говорилъ объ этомъ не въ шутливомъ тонѣ, но съ нѣкоторой горечью; мнѣ тяжело думать, что такой ангелъ, какъ вы, достанется такому человѣку, какъ императоръ. Я желаю одного — вашего счастья и видѣть васъ счастливой, какъ вы того заслуживаете. Я бесѣдную съ вами объ этомъ предметѣ послѣдній разъ, ибо такъ какъ дѣло это почти рѣшеное, то мнѣ не подобаетъ отзываться неодобрительно о человѣкѣ, который долженъ стать вашимъ супругомъ. Я искренно желаю, чтобы вы, по прошествіи двухъ лѣтъ замужества, могли сказать мнѣ: *Я счастлива такъ, какъ я того желала*. Тогда я буду доволенъ, а до тѣхъ поръ я не сумѣю отдѣлаться отъ тревоги, какою внушаетъ мнѣ ваша дальнѣйшая судьба“.

Несмотря на столь откровенно и рѣшительно высказанное мнѣніе, Екатерина Павловна стояла на своемъ: „мнѣ очень

¹⁾ Письмо отъ 5 мая 1807 г.

²⁾ Письмо изъ Тильзита отъ 19 мая 1807 г.

тяжело, писала она Императору, что я не схожусь въ этомъ случаѣ съ вами, котораго я такъ нѣжно люблю; но что дѣлать, таковъ мой взглядъ, таково мое убѣжденіе; я по совѣсти не могу измѣнить его, такъ какъ это значило бы говорить противъ себя; я искренно хотѣла бы во всемъ согласиться съ вами, но въ данномъ случаѣ это невозможно. Я не считаю этотъ вопросъ дѣломъ рѣшеннымъ, я знаю, что мнѣ придется пережить ужасныя, тягостныя минуты, во-первыхъ, разставаясь со всѣми вами, которыхъ я такъ нѣжно люблю, и затѣмъ, когда я буду тамъ, на мѣстѣ, въ мірѣ мнѣ совершенно незнакомомъ, безъ поддержки, безъ совѣтниковъ; но за кого бы я ни вышла замужъ, непріятности будутъ тѣ же, а преимущества весьма различны. Вы меня насмѣшили своимъ предположеніемъ, будто я думаю, что вы меня ревнуете. Въ концѣ концовъ, признаюсь, все это меня волнуетъ, и я хотѣла бы, чтобы дѣло было рѣшено скорѣе¹⁾.

Попытка устроить бракъ Императора Франца съ Екатериной Павловной не увѣнчалась успѣхомъ. Мѣсяца два спустя довѣренный вдовствующей Императрицы, князь Куракинъ, также разочаровался въ этомъ проектѣ.

Онъ писалъ 13 (25) августа 1807 г. изъ Вѣны:

„Не я одинъ, но я изъ первыхъ полагалъ, что Императоръ Францъ, овдовѣвъ, представляетъ самую лучшую и самую блестящую партію для Великой Княжны Екатерины Павловны. Обаяніе почестей, блескъ престола одной изъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ державъ въ Европѣ поддерживали во мнѣ это убѣжденіе. Но, пріѣхавъ сюда, приблизившись къ Императору Францу и увидавъ его, тщательно разузнавъ все, что касается его качествъ, привычекъ, способа, которымъ онъ жилъ съ покойною Императрицею, своею супругою, и штатнаго содержанія, ей ассигнованнаго, осмѣливаюсь сказать откровенно В. В-ву, что это не есть партія, желательная для Великой Княжны, даже если бы не служилъ препятствіемъ вопросъ о вѣроисповѣданіи, который еще предстоитъ разрѣшить, принявъ въ соображеніе закоснѣлые предрасудки этой страны“²⁾.

Приблизительно мѣсяць спустя, Куракинъ окончательно отказался отъ мысли объ этомъ бракѣ: „Остается намъ только обречь на совершенное забвеніе самое существованіе прежняго проекта на бракъ съ Францемъ I, писалъ онъ, который мнѣ изъ первыхъ улыбался, пока я не былъ на мѣстѣ, гдѣ пришлось бы его осу-

¹⁾ Письмо отъ 29 іюня 1801 г.

²⁾ „Рус. Архивъ“, 1869, 401.

ществить. Нѣтъ сомнѣнія, что все должно навести Ваше Величество и Государя Императора на иные виды для супружества Великой Княжны Екатерины Павловны“.

Вскорѣ послѣ того какъ мысль о брачномъ проектѣ съ императоромъ Францемъ была оставлена, въ 1808 г., въ Петербургъ пріѣхали два новыхъ претендента на руку Екатерины Павловны—принцъ Леопольдъ Кобургскій, генераль-маіоръ русской службы, и принцъ Георгъ Гольштейнъ-Ольденбургскій. Выборъ между ними былъ довольно труденъ; каждый принцъ обладалъ высокими нравственными качествами. Долго колебалась Великая Княжна и наконецъ отдала предпочтеніе принцу Георгу, съ которымъ была обручена 1 января 1809 г., а 18 апрѣля того же года сочеталась бракомъ.

Вдовствующая Государыня и Александръ Павловичъ были рады тому, что Екатерина Павловна осталась въ Россіи, но едва Марія Ѳеодоровна успокоилась на счетъ замужества этой дочери, какъ ей представился для рѣшенія вопросъ несравненно болѣе трудный: въ исходѣ 1809 г. Наполеонъ возымѣлъ желаніе взять себѣ въ супруги Великую Княжну Анну Павловну. Узнавъ объ этомъ проектѣ, вдовствующая Государыня, въ величайшей тревогѣ, писала своей замужней уже дочери, Екатеринѣ Павловнѣ ¹⁾.

„Во вторникъ, 21 числа пріѣхалъ въ Гатчино Александръ; онъ казался озабоченнымъ, хотя и дѣлалъ видъ, что онъ въ духѣ. Послѣ обѣда, когда мы остались одни, онъ сказалъ мнѣ:

„Матушка, вы просили, чтобы я подѣлился съ вами, когда меня будетъ что-нибудь тревожить; въ настоящую минуту есть одно обстоятельство, которое меня очень беспокоитъ. Бога ради не прерывайте меня, дайте мнѣ докончить, ибо дѣло слишкомъ важное и можетъ имѣть, какое бы ни было принято нами рѣшеніе, чрезвычайно важныя послѣдствія“.

Я обмерла отъ страха, сердце мое замерло, такъ какъ я думала, что дѣло касается лично Александра. Я еле дышала. Онъ продолжалъ:

—„Изъ Парижа прибылъ курьеръ; тамъ совершаются необычайныя событія. Императоръ разводится съ Императрицей; она и ея сынъ изъявили на это свое согласіе; актъ о разводѣ вскорѣ будетъ обнародованъ. Куракинъ пишетъ мнѣ, что семейство Бонапарта хочетъ, чтобы онъ женился на своей племянницѣ, дочери Люсьена; говорятъ, однако, что онъ, Бонапартъ, имѣетъ виды на Анну; иные говорятъ, что выборъ падетъ на эрцгерцогиню, дочь Императора Франца. Вы знаете, что я не вѣрилъ этимъ слухамъ, когда дѣло касалось Като, но теперь я имъ вѣрю, и вы можете

¹⁾ Письмо отъ 23 декабря.

судить, насколько это меня тревожитъ; если онъ задумалъ это и сдѣлаетъ извѣстные шаги, что отвѣтить ему? Все говорить противъ этого брака, но отказъ вызоветъ озлобленіе, недоброжелательство, самыя мелочныя придирки, ибо нужно знать человѣка, который будетъ нами оскорбленъ. Если его выборъ падетъ на эрцгерцогиню, то онъ сблизится съ Австріей и склонитъ ее дѣйствовать намъ во вредъ, дабы доказать намъ, что если мы пренебрегли его союзомъ, то онъ сумѣетъ устроить дѣло такъ, что союзъ съ нимъ будетъ полезенъ той державѣ, которая имъ дорожитъ, и будетъ во вредъ намъ. Я могу предсказать, что въ Вѣнѣ будутъ рады союзу съ Наполеономъ. Что скажетъ народъ, если нашъ отказъ повлечетъ за собою прискорбныя послѣдствія? Словомъ, по моему мнѣнію, ничего худшаго приключиться съ нами не могло. Если придется ему отказать, что отвѣтить, на что сослаться? какую выставить причину. Всѣ эти соображенія въ высшей степени важны; ихъ нужно обсудить спокойно, не спѣша“.

„Признаюсь, Като, когда испугъ, испытанный мною въ началѣ разговора, при мысли, что дѣло касается Императора лично, улегся, то эта ужасная вѣсть не такъ поразила меня, какъ это случилось бы, не будь этого предисловія. Я отвѣтила Александру, въ первый моментъ, что, по моему мнѣнію, все, что мы сдѣлали, чтобы спасти тебя отъ этого несчастья, должно быть сдѣлано и теперь; что относясь къ тебѣ какъ къ другу, я питаю къ Аннѣ такое же материнское чувство, и оно повелѣваетъ мнѣ заботиться объ ея счастьѣ, объ ея судьбѣ; слѣдовательно, сдѣлавъ все возможное, чтобы спасти тебя отъ этой печальной участи, долгъ обязываетъ сдѣлать то же и по отношенію къ Аннѣ.

На это Императоръ сказалъ, что „я права въ томъ, что касается чувствъ и нашихъ обязанностей по отношенію къ Аннѣ; но что обстоятельства въ данную минуту совершенно измѣнились, когда рѣчь шла о тебѣ, о разводѣ говорили только предположительно, онъ еще не совершился, и мы имѣли возможность предупредить предложеніе Наполеона; теперь разводъ дѣло рѣшеное, онъ увѣренъ, что предложеніе будетъ сдѣлано, и актъ о разводѣ будетъ вскорѣ обнародованъ“.

Я просила его передать мнѣ содержаніе письма Куракина въ точности, чтобы самой судить о томъ, насколько вопросъ серьезенъ. Онъ обѣщалъ прислать его завтра, присовокупивъ, что пока онъ не получалъ болѣе никакихъ извѣстій. Я сдѣлала усиліе, которое было для меня, признаюсь, не легко, чтобы обсудить этотъ печальный фактъ съ полнымъ хладнокровіемъ, подчинивъ чувство, возмущающееся при одной мысли о возможности подобнаго брака,

разуму. Но это вопросъ серьезный, и онъ можетъ имѣть столь важныя послѣдствія, что его слѣдуетъ обсудить всесторонне и вполне хладнокровно. Предположимъ сперва, что есть возможность согласиться на этотъ бракъ и посмотримъ, какія выгоды онъ можетъ принести государству. Вотъ онъ:

1) *Надежда* заключить продолжительный миръ съ Франціей, который дастъ намъ возможность увеличить наши силы, усилить средства обороны, улучшить финансы и заняться нашими внутренними дѣлами. Въ концѣ концовъ мы выиграемъ время и получимъ возможность избѣгнуть временно честолюбивыхъ плановъ Наполеона.

Какія пагубныя послѣдствія можетъ повлечь за собою отказъ отъ этого брака? Этотъ вопросъ распадается на двѣ части: его слѣдуетъ разсматривать съ точки зрѣнія государства и личности моей дочери. Начну съ государства:

2) Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ, завидуя нашему могуществу, нашей славы, недовольный нашимъ поведеніемъ по отношенію къ нему въ послѣднюю войну, не можетъ желать намъ добра, и что его политика будетъ направлена противъ насъ, какъ только кончится испанская война; пока, онъ нанесъ намъ величайшій вредъ, подорвавъ нашу торговлю и заставивъ насъ вести войны. Озлобленный отказомъ, онъ будетъ еще болѣе недоволенъ и раздраженъ противъ насъ, и это вскорѣ проявится въ еще болѣе неприятной формѣ; онъ будетъ раздражать насъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ въ состояніи объявить намъ войну. Народъ, узнавъ отъ него (такъ какъ въ его интересахъ будетъ не скрывать своихъ видовъ на Анну, ибо онъ отлично пойметъ, что простому народу будетъ лестно думать, что Великая Княжна могла бы быть Императрицей), что онъ просилъ руки Анны, и что это могло предотвратить войну съ нимъ, будетъ осуждать Императора и меня за то, что мы отклонили это предложеніе, и обвинить насъ за всѣ свои страданія. Я не хочу этимъ сказать, что весь народъ желаетъ этого брака; нѣтъ, будутъ, конечно, двѣ противоположныя партіи; изъ нихъ одна будетъ проклинать его, а другая увидитъ въ этомъ бракѣ славу, нѣчто лестное для народнаго самолюбія и возможность предотвратить всѣ бѣдствія. Но кто поручится, что этотъ бракъ не породитъ въ немъ еще болѣе честолюбивыя виды и не втянетъ Россію въ нескончаемыя войны. Весьма вѣроятно, что злополучная континентальная система надолго подорветъ въ такомъ случаѣ нашу торговлю и нанесетъ Россіи неисчислимый вредъ.

3) Что касается моей бѣдной Анны, то на нее пришлось бы

смотрятъ какъ на жертву, принесенную ради блага государства: ибо какое несчастье было бы для этого ребенка, если бы она вышла замужъ за такого изверга, для котораго нѣтъ ничего священнаго и который не знаетъ никакой узды, такъ какъ онъ не вѣритъ даже въ Бога? принесла ли бы эта тяжелая жертва благо Россіи? На что было бы обречено мое дитя?

„Развѣ въ 15 лѣтъ характеръ можетъ установиться? что она увидитъ, что она услышитъ въ этомъ омутѣ? Если у нея не будетъ въ первый же годъ ребенка, ей придется много претерпѣть. Либо онъ разведется съ нею, либо онъ захочетъ имѣть дѣтей цѣною ея чести и добродѣтели. Все это заставляетъ меня содрогаться! Интересы государства съ одной стороны, счастье моего ребенка съ другой; прибавьте къ этому всѣ огорченія и несчастія, которыя въ случаѣ отказа, могутъ постигнуть Александра какъ монарха; согласиться на этотъ бракъ значитъ погубить мою дочь; одному Богу извѣстно, удастся ли даже этой цѣною избѣгнуть бѣдствій для государства! Положеніе по истинѣ ужасное.

„Александръ просилъ меня повременить и обдумать отвѣтъ. Онъ сказалъ, что Румянцевъ не одобряетъ этой партіи, что онъ привелъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи, въ доказательство того, что подобные браки влекутъ за собою нерѣдко неисчислимыя бѣдствія; въ то же время онъ не заблуждается на счетъ пагубныхъ послѣдствій, какія можетъ имѣть нашъ отказъ, и тѣхъ бѣдъ, которыя постигнуть Россію, если Наполеонъ обратитъ свои взоры на эрцгерцогиню австрійскую. Мы говорили въ общихъ чертахъ о томъ, что можно было бы отвѣтить, и разговоръ на томъ кончился.

„Вчера Александръ прислалъ мнѣ депешу Куракина. Прочитавъ ее, признаюсь, я успокоилась: она написана туманно и хотя проектъ относительно Анны кажется мнѣ возможнымъ, но онъ еще не существуетъ, такъ какъ все семейство на сторонѣ дочери Люсьена. Въ этомъ смыслѣ я и писала Императору“.

„Приѣхавъ сегодня сюда (въ Петербургъ), Александръ зашелъ ко мнѣ и, сказавъ, что онъ начнетъ съ пріятнаго, показалъ мнѣ актъ, подписанный сегодня Румянцевымъ и Коленкуромъ, по которому названіе Польши упраздняется, дается обѣщаніе никогда не увеличивать герцогство Варшавское, никогда не возстановлять королевства Польскаго и уничтожить польскіе ордена. Затѣмъ онъ сказалъ: „Мамаша, мои опасенія сбываются; послѣ того какъ актъ былъ подписанъ, Коленкуръ заявилъ официально о предстоящемъ разводѣ, присовокупивъ, что онъ былъ бы весьма счастливъ, если бы узы, связывающія обѣ имперіи, были скрѣплены тѣснѣе. Румянцевъ отвѣтилъ, что эти узы скрѣплены окончательно; но Коленкуръ

нѣсколько разъ повторилъ то же самое, въ тѣхъ же выраженіяхъ; на что Румянцевъ промолчалъ“. Быть можетъ, это побудить Коленкура не настаивать болѣе. Но можно ли поручиться за это, если этому несчастному придетъ въ голову подобная мысль.

„Таково положеніе въ настоящую минуту. Мы снова обсуждали съ Александромъ все сказанное третьяго дня и перебрали всѣ доводы за и противъ, въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Мысль о неудовольствіи народа, если его постигнуть бѣдствія, ужасна; но обречь ребенка на несчастье, не имѣя даже увѣренности въ томъ, что это спасетъ народъ отъ бѣдствій, еще болѣе жестоко. Будучи въ Гатчино, Александръ сказалъ мнѣ, что хотя онъ далекъ отъ желанія, чтобы этотъ бракъ состоялся, но онъ вспоминаетъ твои слова, что если бы Наполеонъ развелся и просилъ твоей руки, ты сочла бы долгомъ привести себя въ жертву государству и что я за это бранила тебя. Я помню это, а равно и то, что я говорила тебѣ, что такая экзальтація и такое поспѣшное рѣшеніе приводятъ всегда къ плохимъ послѣдствіямъ. Наконецъ, надобно сказать, что ты была взрослая, что я могла предоставить тебѣ дѣйствовать по твоему усмотрѣнію; но Анна еще ребенокъ, ея характеръ еще не выработался. Неужели я, ея мать, буду виною ея несчастія? Я содрагаюсь при одной мысли объ этомъ; съ другой стороны, всѣ послѣдствія, какія можетъ повлечь за собою нашъ отказъ, приводятъ меня въ отчаяніе.

„Надобно обсудить еще слѣдующее: если Наполеонъ умретъ, будучи мужемъ Анны, то этому несчастному ребенку придется испытать всѣ ужасы волненій, которыя всыхнутъ послѣ его смерти; ибо нельзя допустить, чтобы династія этого человѣка снискала уваженіе народа. Если у него не будетъ дѣтей, то волненія будутъ еще сильнѣе.

„Подобаешь ли желать, чтобы подобный порядокъ вещей и чудовищная власть этого человѣка упрочились? Не будетъ ли это противно интересамъ Россіи и не увеличитъ ли это затруднительное положеніе. Какъ ты полагаешь?

„Мы обсуждали, что отвѣтить Коленкуру въ случаѣ отказа, и остановились на слѣдующемъ: 1) сослаться на молодость моей дочери, которая даже не вполне сформирована; 2) упомянуть о томъ, какъ народъ доволенъ тѣмъ, что ты осталась въ Россіи, что заставляетъ насъ принять рѣшеніе, чтобы и Великая Княгиня Анна, вступивъ въ бракъ, не уѣзжала отсюда.

„Императоръ увѣренъ, что принадлежность къ православной вѣрѣ не послужитъ препятствіемъ; въ противномъ случаѣ этотъ предлогъ могъ бы быть самымъ важнымъ. Это препятствіе

можно было бы выставить какъ самое главное и наиболѣе законное. Къ осуществленію этого брака съ моей точки зрѣнія встрѣчается еще одно серьезное препятствіе: это тотъ позоръ, которымъ мы покрыли бы себя, выказавъ такую неустойчивость въ принципахъ, въ убѣжденіяхъ. Потомство могло бы по справедливости негодовать, видя, что Великая Княжна вступила въ бракъ съ человѣкомъ, котораго оно клянеть за всѣ бѣдствія, какія онъ навлекъ на человѣчество... Согласившись на этотъ бракъ, я обрекаю своего ребенка на несчастье и въ то же время я не спасу быть можетъ государство отъ бѣдствій и навлеку на себя осужденіе извѣстной части народа; а если я не дамъ своего согласія, это можетъ имѣть для государства самыя пагубныя послѣдствія и тогда меня осудитъ другая часть населенія“.

„Обсуждая съ Александромъ всѣ послѣдствія моего отказа, я спросила его, можетъ ли онъ послужить поводомъ къ войнѣ или, лучше сказать, можетъ ли онъ ускорить ее, и позволяетъ ли ему состояніе его финансовъ вести войну? Онъ отвѣтилъ „нѣтъ; мнѣ пришлось бы принести чрезвычайныя жертвы. Наша граница беззащитна, у насъ нѣтъ съ этой стороны ни одной крѣпости; что касается войска, то у меня на границѣ двѣсти тысячъ человѣкъ“. Признаюсь, я не думаю, чтобы въ случаѣ отказа, намъ пришлось вскорѣ вести войну съ этимъ человѣкомъ; она была бы отсрочена до окончанія войны съ Испаніей. Состоится ли этотъ бракъ или нѣтъ, я того мнѣнія, что войны не миновать; намъ придется воевать либо съ Наполеономъ, либо изъ-за него, такъ какъ онъ вовлечетъ насъ въ свои враждебныя отношенія къ Портѣ и намъ придется, такъ сказать, помогать ему созидать державы, которыя будутъ намъ опасны по близкому ихъ сосѣдству съ Россіей. Полный застой въ торговлѣ такъ тягостенъ для государства, что если онъ не прекратится, то намъ волей неволей придется устранить всѣ препоны, такъ какъ государство не въ состояніи этого долго вынести. Моментъ будетъ критическій и можетъ вовлечь насъ въ войну съ Наполеономъ.

„Императоръ сказалъ на это, что ежели Господь даруетъ ему десять лѣтъ мира, то у него будетъ десять крѣпостей и его финансы поправятся“.

Два дня спустя, 25 декабря 1809 г., Марія Ѳеодоровна сообщила Екатеринѣ Павловнѣ, что французскій посланникъ, принятый Императоромъ послѣ обѣдни, спросилъ его, что онъ прикажетъ передать Наполеону съ курьеромъ, который повезетъ ему конвенцію, подписанную 23 числа. Императоръ поручилъ ему благодарить Бонапарта за его доброжелательное отношеніе въ этомъ дѣлѣ. На это посланникъ сказалъ, что Императору вѣроятно уже извѣстно изъ Moniteur'a о важномъ

событiи, совершившемся въ Парижѣ; онъ распространился въ похва-
лахъ Императору Наполеону и Императрицѣ Жозефинѣ и присово-
купилъ, что это событiе даетъ возможность скрѣпить еще тѣснѣе
узы, связующія обѣ Имперiи.

Императоръ отвѣтилъ, что эти узы уже окрѣпли, на что
посланникъ возразилъ, что обстоятельства даютъ возможность
содѣйствовать счастью человѣчества и обезпечить миръ. Им-
ператоръ только сдѣлалъ въ отвѣтъ гримасу, которая выражала,
какъ трудно осуществимъ этотъ проектъ, и хотя посланникъ на-
стаивалъ на своемъ, но Императоръ этимъ ограничился. Разговоръ
перешелъ на постороннiе предметы. Затѣмъ Коленкуръ показалъ
Императору письмо, полученное имъ отъ Шампаньи, который также
пишетъ о разводѣ и говоритъ, что всѣмъ посланникамъ, аккреден-
тованнымъ при иностранныхъ дворахъ, разосланы циркуляры съ
увѣдомленiемъ объ этомъ событiи. Это циркулярное посланiе окан-
чивается заявленiемъ, что хотя вслѣдъ за разводомъ долженъ быть
заключенъ бракъ, но Императоръ ни на комъ не остановилъ еще
своего выбора, однако Шампаньи пишетъ Коленкуру, въ частномъ
письмѣ, что хотя онъ и препровождаетъ ему этотъ циркуляръ, но
проситъ его не предъявлять его нашему двору: по моему мнѣ-
нiю, это означаетъ ясно, что выборъ Наполеона сдѣланъ и что онъ
паль на нашу бѣдную Анну“.

Одновременно съ письмомъ Марiи Феодоровны, Великая Княгиня
получила письмо отъ Императора Александра, который просилъ ее
дать ему совѣтъ, какъ поступить въ этомъ *въ высшей степени*
затруднительномъ обстоятельствѣ.

„Наполеонъ разводится и имѣетъ виды на Анну. Этотъ разъ
это совершенно серьезно; вы узнаете всѣ подробности изъ письма
матушки. Какъ поступить въ данномъ случаѣ, рѣшить трудно. Я
сказалъ матушкѣ, что ей, само собою разумѣется, одной принадле-
житъ право располагать судьбою сестры, и что я подчинюсь ея
рѣшенiю. Мое мнѣнiе таково, что принимая во вниманiе всѣ не-
прiятности и придирки, а также недоброжелательство и злобу, съ
какою относятся къ этому человѣку, лучше отвѣтить отказомъ, не-
жели дать свое согласiе противъ воли.

„Я долженъ однако отдать справедливость матушкѣ, что она вы-
казала въ этомъ случаѣ несравненно болѣе хладнокровiя, чѣмъ я
ожидалъ. Она хочетъ посовѣтоваться съ вами, и я нахожу это
вполнѣ правильнымъ“.

По мнѣнiю Екатерины Павловны отвѣтить Наполеону категори-
ческимъ отказомъ было невозможно. Она совѣтовала сказать Колен-
куру: 1) что Анна Павловна еще не сформирована и 2) что

въ виду печальнаго опыта двухъ старшихъ дочерей, Марія Теодоровна дала клятву не выдавать своихъ дочерей ранѣе 18 лѣтняго возраста, приведя въ доказательство примѣръ Маріи Павловны и ея собственный, и присовокушивъ, что сама Императрица и Императоръ *сочувствуютъ* этому браку. „Главное, писала Великая Княгиня, выиграть время“.

„Когда я высказала, два года тому назадъ, свое мнѣніе, присовокупляетъ Екатерина Павловна, я говорила за себя; въ 20 лѣтъ я могла отвѣтить за свои поступки и сознательно принести извѣстную жертву“.

Уклончивый, равносильный отказу, отвѣтъ на сватовство Наполеона къ Аннѣ Павловнѣ былъ первымъ поводомъ къ охлажденію между союзниками, приведшему два года спустя къ окончательному разрыву.

В. Тимошукъ.

